

ВСЛЕД
ЗА МЕЧТОЙ

| Романы

| А. Мироновой

АЛЕКСАНДРА
МИРОНОВА

Я ОСТАВЛЮ
СВЕТ
ВКЛЮЧЕННЫМ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Разработка серии *Г. Ганжи*
Дизайн обложки *Н. Каптыкиной*

Миронова, Александра Васильевна.

М64 Я оставляю свет включенным : роман / Александра
Миронова. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.
ISBN 978-5-04-199528-7

Глафира была бунтаркой и не планировала детей, но теперь ей приходится выдавать себя за погибшую сестру и скрываться с четырьмя племянниками в деревне — лишь бы их не отобрали.

У нее получилось создать настоящую семью, наполнить дом любовью и гармонией, но что, если тайны прошлого и завистники все разрушат? Положение девушки осложняет то, что ее любви добиваются сразу двое мужчин, выбрать между которыми так непросто...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199528-7

© Миронова А., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*С глубоким уважением к Таше Тудори
и верой в скорые путешествия во времени*

* * *

Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Гори-гори ясно, чтобы не погасло.
Гори-гори ясно, чтобы не погасло.

Строчка из давно позабытой детской песни все ускорялась. Напоминала карусель, внезапно сошедшую с ума и набирающую обороты. «Гори-гори ясно...»

Словно в такт нехитрой рифме разгоралось пламя. Вначале оно было совсем крошечное, все-таки современные конструкции достаточно пожароустойчивы, да и систему защиты умного дома не так-то просто взломать.

Но потом оно разгорелось и охватило весь дом, не давая чудовищу, находящемуся внутри, ни малейшего шанса.

Глафира заправила под шапку выбившиеся тяжелые дреды и улыбнулась. У нее получилось! Все получилось! Впрочем, у нее всегда все получалось. Планета станет немного чище, и, возможно, чаши мирового баланса все-таки перевесят в сторону добра.

Тишину ночи и негромкий треск огня разрезал крик. Женский крик.

Улыбка замерла, и Глафира застыла. Обратилась в соляной столб. Даже сердце перестало стучать. В доме женщина? Нет, не может быть! Неужели после всего, что сегодня произошло, эта тварь еще и привела

любовницу? Тут же застучало в висках: ну и что, пускай любовница, может быть, даже проститутка, все равно женщина не виновата и не должна пострадать!

Она сделала шаг вперед в безумной попытке все отменить, но тут же остановилась. Нет, она уже ничем не поможет. Нужно спасать живых, немедленно. В запасе мало времени.

В голове словно застучал секундомер. Развернувшись, Глафира побежала к выходу из небольшого парка, окружавшего особняк. Камер здесь не было, она точно знала. Она все ускоряла и ускоряла бег, зажав уши руками, стараясь не слышать крика горящего заживо ни в чем не повинного человека.

Выбежав за ограду, она припустила бегом вдоль по пустынной улице сонного Хайгейта. Планы меняются, они поедут все вместе в аэропорт прямо из больницы. Благо машину она оставила на больничном паркинге, а сюда добралась на общественном транспорте, чтобы не привлекать лишнего внимания. Сейчас ведь можно отследить вообще все, в том числе и передвижения машины. А ей лишние следы были ни к чему.

Перейдя на равномерный бег, она попыталась сконцентрироваться на порядке действий. Она доберется до больницы, заберет сестру, вместе они заедут к Луизе, заберут детей и поедут в аэропорт. Билеты, деньги, паспорта — все у нее, все готово к отлету в новую жизнь.

Глафира бежала по широким чистым улицам, стараясь держаться подальше от света фонарей. Из домов, словно горошины, посыпались обеспокоенные жители — женщины в шелковых халатах, мужчины в элегантных пижамах. В этом районе мужчины никогда не ходили в растянутых футболках и семейных трусах, как там, куда им предстоит улететь.

Она силой заставила себя замедлить шаг. Все медленнее и медленнее, собрав всю силу воли, ценой запредельных усилий, стараясь держаться в тени и не привлекать внимания. Хорошо, что она додумалась надеть на голову шапку, дреды были здесь неуместны и непременно привлекли бы внимание.

— Где эти пожарные, когда они нужны? — возмущенно воскликнула ухоженная высокая женщина неопределенного возраста. В ушах сверкают бриллианты, но еще ярче горит жадное любопытство в глазах — надежда на жуткую трагедию.

— Это же дом Дорманов, если я не ошибаюсь? — поддержала беседу сухопарая старушка, одетая, несмотря на поздний час, в костюм и держащая на руках болонку.

— Надеюсь, миссис Дорман и детей нет в доме, — нахмурилась высокая женщина, и проходящей мимо девушке, чья голова была закрыта капюшоном, захотелось толкнуть ее, обзвать в лицо наглой обманщицей. Если бы хоть кому-нибудь из этих сочувствующих лицемеров на самом деле была небезразлична судьба миссис Дорман, они бы не допустили и половины той мерзости, что творил ее муж.

— О, — вместо ответа округло произнесла старушка и прижала к себе болонку, пряча лицо в мягкую шерсть. Девушку в капюшоне она не заметила, инстинктивно отменяя все, что не принадлежало к их кругу.

Девушка тем временем тенью проскользнула мимо них, опустив голову как можно ниже. Вой сирен нарастал и становился нестерпимым, на улицы продолжали выплескиваться местные жители и прислуга. Всех их беспокоило лишь одно — не распространится ли огонь по их чудесному Хайгейту.

Спустя несколько минут она покинула район, битком набитый британскими снобами, и почти бегом вошла в Хэмстед-Хит, лесополосу, отделяющую Хайгейт от центра Лондона. Ее путь лежал в Паддингтон, в госпиталь Святой Марии, один из четырех основных центров травматологии Лондона.

Глафира набирала темп, пока не почувствовала, что еще немного — и воздух разорвет легкие. Она подумала, не взять ли ей такси, но тут же отменила эту мысль. Ей нужно успокоиться, прийти в себя. Чем меньше людей увидит ее в таком состоянии, тем лучше.

Она только что убила человека. Господи, нет. Она только что убила двоих людей. Как она дошла до такой жизни? Впрочем, ей всегда пророчили, что она плохо кончит, даже родители, от которых она сбежала в пятнадцать лет и с тех пор ни разу их не видела. Может быть, они были правы? Видели со стороны то, что было недоступно ей самой? И она действительно плохо кончит?

Не думать. Ни о чем не думать. Сейчас главное — забрать Натали и детей, сесть на самолет и раствориться в воздухе в прямом смысле этого слова.

* * *

Глафира быстрым шагом вошла в высокое здание, отделанное в лучших британских традициях: наводящий скуку темно-коричневый фасадный кирпич и убогие белые узоры. Впрочем, сейчас ей было не до архитектурных изысков. Девушка, по-прежнему не снимая с головы капюшон, направилась прямо к стойке рецепции, где объявила, что ей нужно срочно повидать миссис Дорман, поступившую в травматологическое отделение несколькими часами ранее.

Румяная, словно персик, молодая медсестра, сидящая за стойкой, вежливо объяснила, что в такое время посещения не предусмотрены, но она может проведать миссис Дорман уже следующим утром. А если у нее что-то срочное, то можно оставить сообщение.

Странная девушка в капюшоне лишь покачала головой, поблагодарила персика и, так же быстро покинув больницу, обошла ее с другой стороны. Схватившись за живот и немного согнув спину, она вошла в отделение «Скорой помощи», где тут же смешалась с толпой страждущих.

Это был филиал ада на земле. Отовсюду на нее чихали, кашляли, кого-то тошнило, а кто-то стонал так, что, казалось, еще несколько мгновений — и его душа отлетит в иной мир. Возможно, там несчастному будет действительно лучше. Два молодых чернокожих парня привели третьего, из чьего живота кровь капала прямо на пол, но никто не торопился ему помочь. Чопорная английская дама отводила глаза от неэстетичного зрелища и натужно кашляла в платок. Рядом с ней гомонило арабское семейство — мать держала на руках девочку, находившуюся в полузабытье, а отец пытался собрать воедино детей, расползающихся по всему приемному покою. Все это действовало на и без того расшатанные нервы.

Прикрывая лицо рукой, Глафира сделала вид, будто идет к одному из туалетов, но на самом деле толкнула дверь с надписью «Посторонним вход воспрещен», находящуюся рядом с ним. За дверью скрывалась небольшая кладовка, где хранились предметы первой необходимости, а также одноразовые простыни, перчатки и одежда для пациентов.

Она схватила первую попавшуюся ночную рубашку и засунула ее под куртку. Выскользнув из кладовой, зашла в туалет, быстро переделалась в кабинке, сбросив джинсы и футболку и натянув на себя рубашку. Та была достаточно длинной, чтобы прикрыть татуировку на бедре. Роспись на руках закроет курткой.

Руки дрожали все сильнее, выдавая нервное напряжение, которое она пыталась скрыть от самой себя. В доме сгорели неизвестная женщина и Виктор. Эта тварь издевалась над Натальей, не переставая. Избив жену и отправив ее в больницу, он в тот же вечер пригласил в дом любовницу. Она обязательно расскажет об этом сестре... или лучше не говорить? Это ведь признание в убийстве невинного человека. Убийцей Виктора она себя не считала. Это была самооборона. Она должна была защитить сестру и ее детишек от дикого зверя, пока не стало слишком поздно.

Убеждая себя в правильности собственного поступка, Глафира натянула поверх ночной рубашки куртку, снова надела на голову капюшон, скрывая дреды, и выскользнула из туалета. Уверенным шагом направилась в крыло, предназначенное для пациентов. Поднялась на этаж травматологии, кивнула сидящей на вахте медсестре (к счастью, они сменялись слишком часто, чтобы помнить в лицо всех пациентов) и подошла к палате сестры.

Немного замешкалась перед тем, как толкнуть дверь. Надо вести себя осторожнее. Натали наверняка спит, и она может напугать ее. Глафира подняла руку, чтобы толкнуть дверь, и остановилась. Хотелось плакать, спрятаться за чью-то спину, отмотать все назад. Но она взяла себя в руки — рефлексией займется потом. Толкнула дверь и остановилась на пороге.

Она до конца жизни будет помнить каждую секунду этого страшного вечера. Вот она стоит на пороге палаты и тупо смотрит на пустую смятую постель. Делает шаг, толкает дверь в крошечный туалет с душем, уже зная, что не обнаружит там Натали. Словно в замедленной съемке бросается к встроенному шкафу, в котором хранятся вещи пациентов, открывает его, уже понимая, что не увидит там вещей сестры и ее сумки.

Натали сбежала из больницы, чтобы вернуться к нему. Болезненная страсть. Смертельная.

Глафира схватилась за железную спинку кровати, потянула ее на себя, обрушивая с грохотом поднос с едой, к которой Натали даже не притронулась, а дальше крик ужаса, пустота и провал.

Меньше часа тому назад она убила собственную сестру.

— Миссис Дорман, миссис Дорман, с вами все в порядке? — настойчивый оклик вырвал ее из спастического забытья. Глафира с трудом открыла глаза и поняла, что лежит на полу, а над ней склонилась одна из медсестер. — Миссис Дорман, позвольте, я помогу вам встать и позову доктора.

— Нет! — воскликнула она, снова закрывая глаза и пытаясь остановить кружение комнаты. — Я... я хотела выйти на улицу.

— Миссис Дорман, вам нельзя никуда выходить, я позову доктора, — снова настойчиво повторила девушка, помогая ей подняться и присесть на кровать.

— Нет, не надо, я в порядке, — настойчиво попросила она, прижимая руку ко лбу и проверяя, на месте ли капюшон.

Миссис Дорман. Она приняла ее за сестру.

— Мне просто надо немного полежать, спасибо вам...

— Хорошо, — неуверенно кивнула девушка, не привыкшая спорить с влиятельными пациентами госпиталя. — Если вдруг что-нибудь понадобится, нажмите вот на эту кнопку. — Она протянула ей пульт от кровати, в центре которого красовалась кнопка с изображением человечка.

— Хорошо, спасибо. — Глафира легла в кровать, не снимая шапки и куртки. Поймав на себе удивленный взгляд медсестры, пояснила: — Меня немного морозит.

— Это последствие травмы, — ласково улыбнулась девушка. — Если хотите, я могу дать вам снотворное и обезболивающее.

— Да, спасибо.

Медсестра была рада вернуться к привычным обязанностям, а Глафира откинулась на подушки и, закрыв глаза, прикусила кулак, стараясь сдержать крик. Она убила Натали. Она должна пойти в полицию и сдать ся. Немедленно. Если ей суждено провести свой век за решеткой, значит, так тому и быть. Она убийца, она лишила детей отца и матери.

Мысль о детях обожгла, словно хлыст, ее буквально подбросило на кровати. Дети, что теперь будет с детьми?

— Миссис Дорман, вы точно в порядке? — с беспокойством спросила медсестра, возвращаясь в палату и неся в руках небольшую таблетку.

— Да, мне просто нужно поспать. — Она натужно улыбнулась девушке, принимая из ее рук лекарство. — Если что, я позвоню.

Та, немного помешкав, кивнула и вышла из палаты.

Дети. Что с ними будет? Бабушке и дедушке со стороны матери они точно не нужны. Насколько она знала из рассказов сестры, отец давно спился, а мать пыталась устроить личную жизнь, меняя кавалеров как перчатки, причем каждый последующий вариант был хуже предыдущего. Да никто и не отдаст британских детишек российским маргиналам.

Бабушка и дед со стороны отца? Из горла помимо воли вырвался булькающий звук — нечто среднее между смехом и рыданием. Чопорные твари прекрасно знали о том, что вырастили сына-садиста. Наверное, поэтому они и не возражали против брака с Натали, понимая, что та ничто против всесильного клана и ее можно держать на привязи посредством детей. Они, не раздумывая, сдадут всех четверых в интернат.

А что, если?..

Медсестра ведь приняла ее за Натали. Несмотря на разницу в год, они с сестрой были похожи, словно близнецы, в детстве их даже путали. Обе рыжеволосые, с темными глазами, светлой кожей и веснушками. Вот только характеры у них были диаметрально противоположные. Если Натали все сравнивали с ангелом, то ее, Глафиру, иначе как дьявольским отродьем никто не называл.

Выдать себя за Натали? Но ведь следователи все равно узнают, что та погибла в огне. По отпечаткам зубов, ДНК, мало ли у них методов. Но пока они это выяснят, у нее есть фора в несколько десятков часов. А что, если действовать быстро? Забрать детей и улететь на родину?

Нет, решительно невозможно! Она же чайлд-фри, убежденная противница браков и института семьи, ей хватило отношений родителей и Натали, чтобы решить для себя, что свой век она закончит в каком-нибудь доме престарелых или просто бросится с моста в воду, когда устанет. Она понятия не имеет, что делать с детьми. Да, она любит своих племянников, но видела она их несколько раз в год, и занималась ими мать, а не она. Она даже не знает, что эти дети едят. И вообще. Взять на себя такую ответственность?

Ей немедленно захотелось дать самой себе пощечину: ты, тварь, оставила детей сиротами и еще рассуждаешь о том, что они для тебя слишком большая ответственность? Если бы она могла, она бы сама себя взяла за шкуру и вытащила из этой постели. Она обязана сделать все, чтобы спасти их. И себя. От того, что ее отправят в тюрьму, никто не выиграет, а так у детей будет пусть небольшой, но шанс. Она поднимет их на ноги, выпустит в мир, а после этого хоть с моста, хоть в тюрьму.

Если, конечно, у нее получится осуществить задуманное. Ведь одно дело осуждать тупых героинь блокбастеров, убегаящих от мафии или полиции и совершающих одну ошибку за другой, а совершенно другое — оказаться на их месте, не обладая ни одним полезным для побега навыком. Впрочем, дуракам частенько везет.

Она отбросила одеяло и, пошатываясь, направилась в ванную. Действуй, черт возьми, что тебе терять?

Вначале надо стать похожей на Натали — это единственный шанс вывезти детей из страны. Паспорт сестры был у нее в рюкзаке вместе с билетами. Они все решили, когда она везла Натали в больницу. Та кля-

лась, что больше это не должно повториться, что в следующий раз Виктор просто убьет ее. И так чудо, что, упав с лестницы, она не сломала себе шею, а отделалась лишь переломом ребра, вывихом и синяками. Она отдала Глафире свой паспорт и банковскую карточку, попросив снять всю наличность со счета и купить билеты ей и детям. Они возвращаются в Россию и уже оттуда будут судиться за детей.

Глафира все сделала, как просила сестра, и пошла дальше. Она подожгла умный дом Виктора, предварительно взломав защиту и заблокировав его в нем. Ведь если что она в своей жизни и умела, так это обходить системы защиты и взламывать коды. Здесь все было довольно просто. Когда в доме начался пожар, все окна и двери умного дома автоматически заблокировались, а пожарная сигнализация не сработала. Напившийся по обыкновению Виктор узнал о пожаре слишком поздно. Если он вообще проснулся, когда дом объяло пламя.

За последние полгода Глафира трижды возила сестру в больницу, где та врала, что упала с лестницы, и каждый раз травмы были все серьезнее и серьезнее, но она каждый раз возвращалась к Виктору, прикрываясь детьми и невозможностью выбора. Вот она и решила забрать у Натали этот самый выбор. Взяла на себя роль Бога и была жестоко за это наказана.

А что, если Натали жива? Глафира схватилась за эту мысль, как утопающий за соломинку. Ведь у нее были переломаны ребра, она плохо себя чувствовала, вряд ли она смогла бы быстро добраться до дома и войти в него. Что, если она только что убежала из больницы и вполне жива и относительно здорова?

Надежда снова вспыхнула — она набрала номер сестры и услышала знакомый сигнал, раздающийся из

тумбочки: та оставила телефон. Зачем? Просто забыла в спешке? Или боялась звонков сестры?

Да, скорее всего, она жива и присоединится к ним в аэропорту, когда узнает, что дом сгорел. Когда на весах будут ее дети и муж-садист, конечно же, она выберет детей. По-другому не сможет. Она же любит их. Несмотря на то что по настоятельной просьбе Виктора отдавала их с младенчества на попечение других людей — вначале нянь, затем специализированных школ, где дети жили все время, приезжая домой лишь на каникулы. «Здесь так принято», — слабо пыталась оправдаться Натали. «Ну да, ну да», — насмешливо кивала Глафира, не веря ни единому слову.

В крошечной ванной обнаружилась косметичка сестры. Глафира схватила ее и чуть не разрыдалась, ощутив чуть заметный знакомый запах духов Натали. Глубоко вдохнув, она посмотрела на себя в зеркало и, не давая себе времени на размышление, начала действовать. Достала небольшую сережку из носа, из правой брови и вытащила восемь сережек из ушей. Спрятала в карман. Интересно, настанет ли когда-нибудь день, когда она сможет снова их надеть?

Умыла лицо ледяной водой и густо намазала его тональным кремом, а затем подвела глаза так, как это всегда делала сестра. Руки дрожали, от чего подводка размазалась и Глафира стала похожа на заплаканную панду. Плевать.

Закончив с макияжем, она стащила с головы капюшон. Порывшись в косметичке, обнаружила маникюрные ножницы. Схватила один из дредов и попыталась обрезать его под корень, немного поранив кожу голову. Выругалась.

Маленькие ножницы плохо слушались, отказывались отрезать толстые пряди. Ей понадобилось около часа, чтобы от них избавиться. Остатки дредов она засунула во внутренний карман куртки. Выбросит их в другой стране, в этой нельзя оставлять никаких улик.

Снова натянув куртку с капюшоном, она вышла в коридор, сделала несколько шагов, повернула к лифту и наткнулась на врача:

— Миссис Дорман? Что вы здесь делаете? — строго спросила немолодая уставшая женщина. — Мне сообщили, что вы пытались покинуть палату, но в вашем состоянии нельзя этого делать!

В ответ Глафира зашлась в таком кашле, что даже издававшая виды врач сделала несколько шагов назад. Она сдернула капюшон с головы, понимая, что выглядит устрашающе: на месте некогда стильной и роскошной шевелюры — проплешины и залысины.

— Док, сколько там той жизни, — пробасила она хриплым голосом, доставая из кармана сигареты и заговорщицки подмигивая врачу. — Без сигарет совсем худо.

— Доктора Мендес ждут в две тысячи восемнадцатой, доктора Мендес ждут в две тысячи восемнадцатой.

Женщина встрепенулась, и Глафира мельком разглядела табличку на халате «Доктор Мендес».

— Курить можно только в специально отведенных местах, — вздохнула доктор и, бросив прощальный взгляд на странную пациентку, напоминавшую наркоманку из неблагополучного района, заторопилась на вызов.

— Ок, док. — Та отсалютовала ей сигаретой и заторопилась к выходу, выдыхая на ходу и стараясь не сорваться на бег.

* * *

— Вы понимаете, что если не расскажете всю правду добровольно, то вам предъявят обвинение в преступном сговоре с руководством компаний? — Двое мужчин в темных костюмах сидели напротив Эндрю, небрежно качающегося за стуле и с улыбкой смотрящего им прямо в глаза. Словно он не был задержан по подозрению в крупном финансовом мошенничестве, а пришел на мальчишник, где собирается отлично провести время в обществе старых друзей.

— Вы даже можете предъявить мне убийство Кеннеди, — пожал плечами молодой человек, нелепо смотрящийся в скучном и аскетичном кабинете ведомства. Невозможно было представить его одетым в строгий костюм и торгующим на бирже. Гораздо больше ему подходил антураж дискотеки где-нибудь на Ибице. Он идеально вписался бы в пенную вечеринку, бьющую по нервам музыку и наркотический угар. — Вопрос в том, сможете ли вы его доказать.

Эндрю широко улыбнулся, ничуть не смущенный суровыми взглядами мужчин, и выдул пузырь из жвачки. Мужчины переглянулись. Эндрю был готов поспорить на что угодно, что им ужасно хотелось стереть наглую ухмылку с его лица и отобрать у него жвачку. Он надул еще один пузырь.

— Если вы пойдете на сделку со следствием, возможно, мы сможем что-нибудь сделать с вашим тюремным сроком, — совладав с собой, вкрадчиво пообещал один из его собеседников. Некрасивый, невысокого роста, но достаточно плотный. Больше похожий на вышибалу в клубе, чем на представителя национальной ассоциации брокеров-дилеров США.

— Какая сделка? — пожал плечами молодой человек по имени Эндрю Карлссон.

Если верить документам, он был американцем, родившимся где-то в Колорадо, но говорил с легким, едва слышным акцентом.

— Я прибыл к вам из будущего. У нас каждый школьник знает, что в ваше время на биржах творилось непонятно что. Архивы — вот где я получил всю информацию. Но лоханулся, признаюсь, вначале планировал играть долго и аккуратно. Но что-то пошло не так. — Эндрю снова улыбнулся так искренне и беззаботно, что его визави помимо воли почувствовали симпатию и расположение.

Они снова переглянулись.

— Из какого года, вы говорите, вы к нам прибыли? — поинтересовался второй мужчина. Высокий, плечистый, похожий на бывшего профессионального игрока в баскетбол и выглядящий значительно старше своего неказистого спутника.

Эндрю его одновременно и завораживал, и бесил. Он был похож на всех тех симпатичных пацанов, плакаты с которыми вешала на стены его дочь, недавно вступившая в подростковый период. Эти смазливые рожи таили в себе угрозу ему, отцу, сигнализируя о том, что вскоре такой сопляк станет для его девочки дороже его и она упорхнет из дома. Время от времени ему хотелось сорвать все эти плакаты с аккуратно выкрашенных стен и сжечь в камине, но психотерапевт настоятельно советовала ему воздержаться. Лучше поддержать дочь во временном увлечении, чем продемонстрировать разницу поколений и то, что отец не разделяет ее взглядов. И за что он только платит этому терапевту такие деньги?

Ему хотелось покончить с этим как можно быстрее, но речь шла о трехсот пятидесяти миллионах, которые этот клоун выиграл на бирже за две недели. Мошенничество невиданного размаха. А в том, что это именно мошенничество, он не сомневался. За годы работы в комиссии по ценным бумагам и биржам чутье у него развилось как у собаки.

— Из две тысячи двести пятьдесят шестого, — снова широко улыбнулся Эндрю, и его собеседники замороженно уставились на него.

По большому счету, парня нельзя было назвать смазливым красавчиком, но обаяние и харизма просто зашкаливали. Легко было представить, как молоденькие дурочки, впрочем, как и искушенные женщины, падают к его ногам.

— И как там? — Первый мужчина с трудом боролся со все нарастающим желанием ткнуть наглеца мордой в стол.

— Ну ниче, — пожал плечами Эндрю и, качнувшись на стуле, чуть не упал.

— Выживут только тараканы вроде тебя? — светским тоном поинтересовался второй мужчина.

— Ну вы же не планируете оскорблениями вывести меня из себя, в самом деле? — засмеялся парень и лопнул пузырь прямо мужчине в лицо. Тот вскочил.

— Если ты не хочешь рассказать правду нам, то тебе придется пообщаться с нашими коллегами. Они менее лояльны, чем мы. И их бесят парни со жвачками.

— Больше коллег, хороших и разных, — одобрительно кивнул Эндрю и посмотрел на старика смеющимися глазами, — а то вы какие-то нудные, ребята. Кстати, о сделках. Давайте так: вы меня прямо сейчас отпустите, а я вам расскажу, где прычется Бен Ладен.